

Пушкин Д.С.
(наша Пуска)

5.06.04

Тверская, 13. - 1800ч. - 5 июня - с.5

А пока, летом 1824 года, над головой поэта сгустились тучи. 29 июля Пушкина вызвали к одесскому градоначальнику и под роспись ознакомили с предписанием М. С. Воронцова: «Без промедления отправиться из Одессы к месту назначения в губернский город Псков». Случись Пушкину получить предписание пятью-шестью днями раньше, его жизнь могла бы круто измениться. Во-первых, к этому времени он подал прошение об отставке и мог считать себя свободным от службы. Во-вторых, с 15 по 24 июля в Одесском порту стоял бриг «Элиз», названный в честь графини Воронцовой. Капитаном брига был Газзано Морали. Помните? «И сын египетской земли, Корсар в отставке, Морали». К нему поэт питал самые добрые чувства: «У меня лежит к нему душа, кто знает, может быть, мой дед с его предком были близкой родней». Как бы там ни было, 24 июля бриг «Элиз» отплыл в Италию без Пушкина. В этот же день, опередив домохозяев, в город вернулась Е. К. Воронцова, отдыхавшая с семьей в Крыму. И в этот же день граф Воронцов отправил предписание Пушкину оставить Одессу. Может, преждевременный отъезд жены и подтолкнул М. С. Воронцова принять такое решение? Об этом мы можем только гадать. Но именно приезд Элизы склонил чашу весов раздумий поэта к тому, чтобы остаться.

Ты ждал, ты звал... Я был окован,
Вотще рвалась душа моя:
Могучей страстью очарован,
У берегов остался я.

Кто знает, как бы сложилась судьба поэта, утлыби он тогда в Италию? Наверное, и не прозвучало бы того рокового выстрела на Черной речке тринадцать лет спустя. Но поэт сделал свой выбор, и 1 августа 1824 года он навсегда покинул Одессу...

Юрий ВАСЮНЬКИН

чиненному на его место. Так, Пушкину надлежало регулярно являться в канцелярию, где он в мае 1824 года получил направление на «собрание сведений о саранче в уездах: Херсонском, Александрийском и Елисаветинском». Здесь же ему выдавали жалованье, которое поэт называл «пайком осылочного невольника». Ко-

нечно, эта командировка для поэта, имевшего уже всероссийскую славу, была унижительна. Он никуда не поехал, но дал отчет в стихах:

Саранча летела, летела
И села,
Сидела, сидела - все съела
И вновь улетела.

Что нам еще известно о взаимоотношениях поэта и генерал-губернатора? Со школьной скамьи перед глазами хлесткая эпиграмма поэта, представляющая графа как «полумилорд, полукупец...» Скорее всего эти строки, написанные молодым поэтом в силу его вспыльчивого характера, не соответствуют действительности. Граф М. С. Воронцов, герой Отечественной войны 1812 года, на посту генерал-губернатора очень многое сделал для развития края. Более того, некоторые исследователи творчества поэта утверждают, что со временем их отношения претерпели внушительную эволюцию. Но это произойдет годы спустя...

кину, над воротами этого дома была установлена мемориальная доска. С тех пор в этот дом по мостовой, выложенной камнями, привезенными из Италии, совершили паломничество сотни тысяч людей. Но большинство своих произведений, в том числе вторую главу «Евгения Онегина», поэт написал в угловой комнате

верхнего этажа отеля (принадлежащего известному коммерцианту советнику Рено), что на углу Дерибасовской и Ришельевской (Дерибасовская, 10). Одним из любимых мест в Одессе, которое поэт посещал с удовольствием, был первый одесский театр, который, к сожалению, не сохранился.

Согласно светским правилам посещать оперу было необходимо два-три раза в неделю, хотя билеты стоили весьма недешево: места в ложах продавались по цене от 5 до 35 рублей, тогда как жалованье Пушкина составляло около 60 рублей в месяц. При этом закатывались веселые пирушки с друзьями и конечно же играли в карты, к которым поэт питал необычайную страсть. Надо сказать, что в игре ему не очень везло, и Пушкин постоянно был в долгах.

Не стоит забывать, что Пушкин состоял на службе в чине коллежского секретаря и был обязан исполнять предписания генерал-губернатора, которыми тот хотел указать слишком независимому под-

театра», - так видел Одессу той поры литератор и краевед Р. Александров.

Они были почти ровесники - молодой, бурно растущий город-порт и поэт, жадно вдыхавший витавший тут дух яркости и внимавший ярким краскам юга. Поэту только что исполнилось 24 года, и Одессе еще не было тридцати. Этот

«ТАМ ВСЕ ЕВРОПОЙ ДЫШИТ, ВЕЕТ...»

период стал для Пушкина весьма плодотворным: здесь поэт создал более 30 стихотворений, закончил «Бахчисарайский фонтан», написал значительную часть поэмы «Цыгане» и около трех глав романа «Евгений Онегин».

Я жил тогда в Одессе пыльной...
Там долго ясны небеса,
Там хлопотливо торг обильный
Свои подъемлет паруса;
Там все Европой дышит, веет,
Все блещет югом и пестреет
Разнообразием живой.
Язык Италии златой
Звучит по улице веселой,
Где ходит гордый славянин,
Француз, испанец, армянин,
И грек, и молдаван тяжелый,
И сын египетской земли,
Корсар в отставке, Морали.

На сегодняшний день в Одессе сохранилось немало мест, связанных с именем Пушкина. По приезду в Одессу поэт остановился в «Hotel du Nord» на Итальянской улице (ныне Пушкинская, 13), где сейчас размещается Литературный музей А. С. Пушкина. 6 июня 1880 года, когда в Москве открывали памятник Пуш-

6 июня 1880 года, когда в Москве открывали памятник Пушкину, в Одессе над воротами дома 13 по Итальянской улице была установлена мемориальная доска, свидетельствовавшая о том, что здесь было первое пристанище поэта.

Почти 180 лет назад закончилась южная ссылка опального Пушкина, которую он отбывал сначала в Кишиневе, а затем в Одессе. Поэт провел в Одессе тринадцать месяцев - с 3 июля 1823 года по 1 августа 1824-го. На юг России он был сослан императором Александром I «для дальнейшего прохождения службы», дабы «он обрел правильный образ мыслей истинного христианина и верноподданного».

За окном бушевала метель, и колющая снежная крупа с дробным стуком билась об оконное стекло. Подрагивающее пламя свечей освещало усеянный исписанными листами бумаги стол поэта, задумчиво оперевшего курчавую голову на руку. Перо непроизвольно вывело женский профиль, и мысли его были далеко от заснеженного Михайловского: у синего теплого моря - в пестрой, шумной Одессе...

«...Немощные улицы, невысокие дома. Публичный, позже городской сад, наполненный более пылью, нежели зеленью, редкие фонари, в которых горел фитиль, смоченный очищенным конопляным маслом. В лунные же ночи фонари и вовсе не зажигали. В темноте дышало море, и зыбкая лунная дорожка добегала до самого берега, до черных скал, еще не остывших от полуденного зноя. А наверху, где только начали устраивать бульвар, звенели в бурьянах цикады и темнел на фоне неба античный силуэт Городского